

З л а т а П р а г а

Нынешний год является памятным сроком многому. Переношусь за четверть века, за тридцать пять лет, и всюду встречаются жизненные вехи, полные внутреннего значения. Тут и зачинание картин, и росписи, и сроки общественной работы. Всего много.

Среди всего этого разнообразия встанут некоторые памятки особо сердечного значения. Среди них незабываемый год начала иностранных выставок. Сейчас мы привыкли переплывать океаны, переноситься через горы и необозримые пространства, но ведь тридцать лет тому назад люди были гораздо неподвижнее. Каждое путешествие сопрягалось с какими-то особыми решениями. Где уж тут говорить о заграничных путешествиях или об экспедициях, когда и сама Россия-то была необследована, а ездить по отечеству считалось чуть-ли не каким-то дурным, квасным вкусом. Именно тогда мы спрашивали на газетных листах, отчего россияне не любят свою родину и так мало знают ее драгоценные памятники старины и природные красоты. И на такие вопросы мы получали в ответ холодные взгляды и пожимание плечей.

Когда приходилось встречаться с такими замечательными путешественниками, как Пржевальский, Потанин, Миклуха-Маклай и другими такими же, можно сказать, подвижниками познания, то на них смотрели как на каких-то особенных людей, почти что как на фанатиков. Впрочем, тяжеловесность неотрывной оседлости свойственна была не одним нам, русским. Приходилось слышать и о французах, которые с гордостью говорили, что за всю свою жизнь они не покинули родного города. Конечно, всюду был особый тип людей, так называемые странники.

Отяжелевшие домоседы, даже и те любили послушать сказочные хождения по святым местам, когда каждый ночлег являлся яркой страницей бытописания. Вспомним хотя бы Афанасия Никитина Тверитянина, который из пятнадцатого века восклицает: "От всех наших печалей уйдем в Индию". И сам он проделывает многолетний путь, о котором не говорят, также как о Марко Поло, только потому, что и о Менделееве в свое время мало говорили. Тому есть особые причины. Вспомним тоже из далеких веков Прокопия Праведного, который, с высокого берега Северной Двины, благословлял неведомых плывущих. "О плавающих, путешествующих..."

При несломимой окружающей оседлости не так-то легко было тридцать лет тому назад помечтать, как бы выйти за пределы, за границы - "за морями - земли великие". Но ко всяким таким землям далеким, ко всяким горам зовущим, к высотам вдохновляющим нужно найти какой-то ключ, нужно, чтобы вестник какой-то постучал и позвал.

Приходит письмо от Общества "Манес" из Праги, с приглашением на выставку, предлагают перевезти картины, все устроить, и слышится в этом приглашении что-то такое сердечное, что открывает всеславянские, всечеловеческие сердца. Тридцать лет прошло с тех пор, но как сейчас помню всю радость, расцветшую от такого сердечного зова. Ведь это была та приоткрытая дверь, которая сразу расширяла возможности, поиски и утверждения прекрасные. Пришла эта неосознанная, но внутри долгожданная весть от людей совсем незнакомых - просто из голубого неба. Ведь тогда я совсем не знал милого Милоша Мартена. Там, где-то за горами, за долами образовался этот новый друг и позвал на путь жданный в глубинах сердца.

И не от случайного народа пришла весть, но от близких в духе славян. Ведь братьями их считаем, и в каждой славянской встрече сразу создаются созвучия родственной души. Поехали картины на выставку. А потом пришли радостные вести. Пришел отдельный номер журнала "Дило" с прекрасной в своей искренности статьей Мартена. Ф. Сальда

в "Волне Смерти" посвятил статью сильно звучащую. Губерт Цириак в "Модерни Ревю" прочувствованно поэтически назвал выставку "сен минулости" - сон прошлого. В этом сне прошлого мне-то снилось вовсе не прошлое, но будущее. Потому-то Злата Прага навсегда осталась для меня вратами в будущее.

Помню, как Елена Ивановна, всегда устремленная в будущее, радовалась именно этому приглашению из Праги. В каждом обстоятельстве, помимо внешности, заключено еще зерно внутреннего смысла. Зерно Пражской выставки заключало в себе нечто необыкновенно дружеское. Конечно, Милош Мартен и Ф. Сальда, и Г. Цириак, также как и другие высказавшиеся о выставке, были очень тонкими культурными ценителями. Но помимо этих специальных познаний в области искусства они были, прежде всего, людьми, полными того общечеловеческого чувства, которое делает возможным истинный прогресс культуры.

В ближайших же годах обнаружился этот неудержимый прогресс Чехословакии. Сама великая война для Чешского народа была лишь вратами в славное будущее. Сколько славных Чешских имен утвердилось за это время ренессанса Златой Праги. Именно Чехословакия дала незабываемый для мира пример, как маститый ученый, профессор Массарик явился истинным вождем Культуры и доказал, что действительно примат духа, примат культуры слагает неродную твердыню. С тех пор каждая встреча с представителями Чехословакии наполняла нас радостью. И Ян Массарик в Лондоне, и Осусский в Париже, и Новак в Нью-Йорке, и многие другие деятели и ученые Чехословакии лишь подтверждали своими суждениями, что давняя радость моя о Златой Праге была не случайной.

Вспомним, как сказал чехословацкий посланник в Вашингтоне, Фердинанд Веверка, в 1933 году на конвенции нашего Пакта: "Главная причина, почему народы отвергают войну, лежит не только в ужасах ее, но в ее глупости, в ее бессмысленности, в ее непроизводительности"

сти в экономическом и политическом смысле. Война обернулась от выгодного в особо невыгодное предприятие. Отвергание войны, как средства разрешения мировых конфликтов, эта новая гипотеза, приносящая миру понятие мира, как изначального общественного состояния, заставляет нас, конечно, пересмотреть и изменить самые основы цивилизации. Мир есть состояние ума, мир есть элементарное положение вещей, не обратная сторона войны, не свободный вздох между битвами. Когда это осознание снизойдет на нас как реальность, тогда придет время, когда угнетенное и измученное человечество поймет и примет истинный мир - мир Евангельский, мир на земле и всем народам благоволение".

Эти слова являются зовом истинного носителя знамени Культуры. Мыслить о таком всеосознанном, действенном мире может народ, который понимает всю жизненность основ труда, сокровищ творчества, которые всегда будут сокровищами истинными. Под таким уклоном взаимного доброжелательства и обоюдного понимания протекают мои сношения со Златой Прагой.

Еще одна встреча. Бурный рейс из Гавра в Нью-Йорк. Пассажиров мало на "Париже". И вдруг, мы встречаемся с друзьями, о которых столько слушали, к которым сердце наше было столько лет открыто, но встреча случилась только в Атлантическую бурю. Эта встреча напомнила мне еще одну встречу, происшедшую в Париже, в доме княгини Тенишевой; там совершенно неожиданно и просто я встретил моего незримого друга Милоша Мартена. А здесь, среди бурных волн, мы встретили его вдову, супругу генерала Клечанды, и самого генерала, едущих в Колумбию. Встретились - точно бы уже годами были лично знакомы. Зазвучало обоюдно то доверие, без которого не имеют смысла человеческие отношения. Дай Бог каждой стране таких деятелей, как генерал Клечанда. Перед исполнением тридцатилетия дружбы со Златой Прагой именно встреча с генералом Клечандой и его супругой была

завершающим аккордом, который лишь подтвердил еще раз правильность радости о Златой Праге, вспыхнувшей уже в 1906 году.

Разного характера бывают воспоминания. Иногда они — лишь ожерелье фактов, коллекция наблюдателя. И такие накопления можно записать, в каких-то взаимоотношениях и они будут нужны. Но в таком собирательстве сердце может остаться вне трепета восхищения. Только там, где обстоятельства сплетаются в сердечное восхищение, — там есть настоящий смысл записать то, что дало радость. "Будем радоваться". Легко сказать, но не всегда легко выполнить этот призыв. Потому так особенно бережно будем ценить все, что может живоносно поддерживать радость духа. Истинная радость, когда в основе ее лежат культура, дружба и человечность. Привет Златой Праге.

1936 г.

Урусвати, Гималаи.